

О ПОДЛИННОМ ИНТЕЛЛИГЕНТЕ

Михаил Алексеевич ИВАНОВ

*Врач-кардиолог, психотерапевт,
племянник В. П. Коронкевича*

В последнее время я редко бываю в Академгородке, но, когда это происходит, рациональное восприятие мира меня покидает, потому что ум переносится на второй этаж дома по улице Правды, к порогу уютной и приветливой квартиры, где меня радостно и тепло встречают хозяева. И в это мгновение примолкает та часть ума, которая знает, что и Вольдемара Петровича больше нет, и Маргарита Абрамовна теперь живет далеко. И я понимаю, почему это происходит. Ведь с самых ранних детских лет, почти полвека, я твердо и уверенно знал, что есть дом, где мне всегда рады. Где, в прямом и переносном смысле, всегда открыта дверь.

В прямом, потому что годах в шестидесятых-семидесятых, особенно летом, когда в этот дом, дополнительно к свои двоим – Мите и Сереже, наезжала куча детей: племянников, их друзей, а позже и внуков, и их друзей и подруг, дверь просто не закрывалась на замок. Даже в суровые девяностые и нулевые она не подверглась никакому укреплению, и замок оставался хлипким, чисто символическим. При всем при том, что Вольдемар Петрович много чего мог смастерить руками и с инструментами управлялся замечательно, но на замок внимания не обращал и, я думаю, даже не придавал никакого значения его надежности. Это был такой символ открытости и притяжения. Все знали: для друзей дом Коронкевичей открыт всегда.

Я Вольдемара Петровича никогда не звал по имени-отчеству. Он всегда был для меня дядей Воликом. Дядя, потому что он младший брат моей мамы, Галины Петровны. А нежное уменьшительное Волик – так всегда его называли мои родители и его мама, наша любимая бабушка, Анна Леонтьевна.

Анна Леонтьевна родилась в 1899 году в белорусском местечке Острино Виленской губернии. Бабушка рано осталась без отца, росла девочкой целеустремленной и очень хотела учиться. Со своей мамой она приехала в Вильно, где была гимназия и где жил ее дядя, брат отца Павел Васильевич Коронкевич. Дочь дяди Павла стала учительницей и получила назначение куда-то в глубинку, и мама Анны Леонтьевны поехала с ней, чтобы помочь городской девушке освоиться с сельским бытом. А Анна Леонтьевна осталась в семье дяди.

Бабушка коротко описывает этот период своей жизни в таком специальном письме внукам и правнукам. Там она указывает, что дядя Павел работал на железной дороге. И совсем не пишет про то, что Павел Васильевич Коронкевич был достаточно заметным общественным деятелем. Он действительно служил делопроизводителем Управления Полесских железных дорог и, кроме того, был товарищем, то есть заместителем председателя совета старшин Белорусского общественного собрания. Вместе с публицистом Лукьяном Солоневичем он на свои деньги издавал газету «Белорусская жизнь», правда, денег было мало и издание шло туговато. Они же в 1908 году создали «Белорусское общество», которое ставило задачей пропаганду единства белорусов с великороссами в рамках одного русского народа. В 1911 году бывший гродненский губернатор, а к тому времени премьер-министр, П. А. Столыпин субсидировал детище Солоневича и Коронкевича, и газета под новым названием «Северо-Западная жизнь» обрела свежее дыхание и просуществовала до 1915 года. Редактором ее остался Л. М. Солоневич, а П. В. Коронкевич стал председателем «Белорусского общества». Судьба Павла Васильевича нам неизвестна, последнее упоминание о нем, которое удалось найти, относится к апрелю 1917 года, когда в г. Гомеле он был избран пред-

Новониколаевск.

седателем Временного белорусского демократического комитета. Вот среди таких людей и шло становление характера Анны Леонтьевны.

Бабушка была человеком очень терпеливым, ласковым и заботливым. Вечная труженица. Я не помню ее праздной отдыхающей. Вроде бы только что была на кухне, а вот уже стрекочет швейная машинка, а через некоторое время сидит за столом и ровным красивым почерком пишет письма дальним нашим родственникам, которых жизнь разбросала по стране. Да и бабушка с дедом Петром Иосифовичем в Сибири не случайно оказались в 20-х годах прошлого теперь уже века. В этой страшной кровавой неразберихе, после Гражданской войны они с маленькой дочерью покинули родную Белоруссию и добрались до Омска, где уже и родился Вольдемар Петрович. В Омске они пробыли недолго и, отправившись дальше, осели в Новосибирске, который тогда еще назывался Новониколаевском.

Мы можем только догадываться о драматических обстоятельствах, которые вынудили их оставить родные места. Знала об этом бабушка, но нас от этого знания оберегала. Она просила любить Советскую власть, но как-то не до конца ей доверяла. Знаем только, что это «растворение» в Сибири сохранило им свободу, и, может быть, жизнь. Моя мама рассказывала о своем смутном детском воспоминании, еще белорусского периода жизни, как она с Анной Леонтьевной приходит к какому-то зданию и там за зарешеченным окном видит своего отца, усталого, небритого.

Как мы предполагаем, Петр Иосифович был арестован и сразу по освобождении, с женой и дочерью, по пути в Омск добрался до Москвы, где кто-то помог ему выправить новые документы. Так Петр Иосифович Бувич стал Петром Иосифовичем Горбусвиным. И, поскольку эта фамилия была случайной, не имевшей к семье никакого отношения, то и дети Галя и Воля, вопреки традиции, получили фамилию не отца, а мамы — Коронкевич.

Несколько позже, по примеру Петра Иосифовича, избегая репрессий в 30-х годах, на Урал и в Сибирь перебрались и трое его братьев — Антон, Станислав и Степан. Были у них еще и две сестры — Ядвига и Бронислава, но они остались в европейской части России. Главой этого огромного семейства был дед Вольдемара Петровича Иосиф Михайлович Бувич. Чем он занимался в своей жизни мы не знаем. Знаем только, что жил он в Витебской области, а его женой и матерью пятерых детей была Мария Клеофасовна Заборовская, имевшая по некоторым сведениям польские дворянские корни. После ее смерти Иосиф Михайлович женился на ее сестре Анне Клеофасовне, и в этом браке родился сын Степан.

Анну Клеофасовну я помню. Она жила в Новосибирске, в семье Степана Иосифовича. Я не раз приходил к ней с бабушкой Анной Леонтьевной. Бабушка называла ее тетя Аня, и над кроватью ее висело католическое распятие.

Деда своего я не видел. Петр Иосифович умер до моего рождения в 1947 году. Человек деятельный, умный и, по тому времени, образованный, он работал на предприятиях мукомольной и хлебопекарной промышленности, дослужившись до должности управляющего трестом «Запсибхлеб».

Очень мало о нем знаем: фрагменты из рассказов мамы и бабушки.

Вольдемар Петрович учится во втором классе и занимается в техническом кружке, где его отметили за хорошо сделанную работу. Анна Леонтьевна гладит его по голове: «Молодец, Воленька, будешь хорошо заниматься, хорошо учиться, подрастешь, тебя в пионеры примут».

Тут Петр Иосифович включается: «Когда он подрастет, пионеров уже не будет». Поэтому я называю деда трагическим оптимистом. Ошибся на 60 лет.

Воспоминания из 20-х годов. Перед Новым годом заработали какие-то деньги. Дед купил на базаре пачку чая, бутылку водки и бутылочку растительного масла, пожарить картошку. Дома выясняется, что масла в бутылке нет, оно только чуть-чуть было заморожено по стенкам. В другой бутылке не водка, а вода. Тоже не беда — чаю попьем. Открывают пачку, а там, как тогда говорили, — спитой чай, то есть уже раз был заварен.

Но иногда везло. Перед самой войной в 41-м году Петр Иосифович получил премию. Долго решали, что купить. Очень хотели купить радиоприемник, но в последний момент перерешили: купили деду хорошее зимнее пальто. Он в нем все военные годы и проходил. А радиоприемники у населения в начале войны изъяли.

В молодые годы он занимался литературным творчеством, писал стихи и вроде бы даже печатался в омских газетах. Мама рассказывала, что у них была фотография омского периода: Петр Иосифович и рядом она сидит на коленях у Павла Васильева, знаменитого поэта, позже арестованного и расстрелянного.

Дед и сам опасался ареста, особенно во второй половине тридцатых годов, с его биографией на ответственной работе жилось тревожно. Бабушка рассказывала, как однажды ночью в 37-м году, когда аресты стали массовыми, когда уже исчезали соседи и сослуживцы, они проснулись от шума мотора: на Обдорскую свернул автомобиль. А в те годы ночами машины по этим улицам ездили только с одной целью. И слышат, что машина остановилась возле нашего дома. Только дед через вторую дверь выскочил в огород, как в парадную уже стук прикладом: «Открывайте!»

Бабушка открывает, а там трое в форме, спрашивают: «Такой-то дома?» — и называют фамилию человека, который живет через три или четыре дома от них. Со слов моей мамы, в тот же период, может и после этого случая, а может и до него, от греха подальше, из подпола достали портфель с документами белорусского периода жизни и отправили в печку. Вот так и жили. В постоянном напряжении. Наверное, это поспособствовало ранней смерти Петра Иосифовича, он умер внезапно, от сердечного приступа, находясь в Москве, в командировке. Было ему 47 лет.

Анна Леонтьевна освоила профессию бухгалтера и трудилась в ЦК профсоюза шоферов Востока, затем была главным бухгалтером областного профсоюза строительных рабочих, который располагался во Дворце труда среди двух десятков других профсоюзных организаций. Вот интересная история случилась. Сейчас в этом здании находится Новосибирская государственная академия водного транспорта. Несколько лет назад туда пришла на работу наша дочь Лена. Кабинет ее находился на втором этаже И я спросил у Вольдемара Петровича, бывал ли он на работе у бабушки. Оказалось, что бывал он там неоднократно. Любил заходить после школы, получал деньги на мороженое и шел дальше. Так вот — бабушкино рабочее место тоже было на втором этаже и в этом же крыле.

В школе дядя Волик учился хорошо и при этом, будучи мальчиком пытливым, все время занимался в разных технических кружках, увлекался химией. Тогда же сформировались устойчивые интересы к спорту, театру, литературе, которые он пронес через всю жизнь. И был у него еще один интерес, это интерес к людям. К их судьбам, умениям, знаниям. Потому и случалось, что, где бы ни оказывался Вольдемар Петрович, жизнь его сталкивала с интересными и даже выдающимися людьми. А потом он мастерски рассказывал об этих встречах.

А домашние праздники, когда собирались близкие многолетние друзья, для нас, маленьких детей, а потом уже для вполне взрослых и самостоятельных, всегда были интересны и привлекательны торжеством юмора, интеллекта и артистизма. Некоторые праздники запомнились на долгие годы.

Так однажды, в начале 70-х, отправились встречать Новый год в лес. Правда, недалеко, в окрестности Академгородка. Я не помню всех участников, но, естественно, были Вольдемар Петрович с Маргаритой Абрамовной, их сын Митя, мой ровесник, с которым мы были особенно дружны. Из друзей точно были Ельские, Алиджановы, актеры театра «Красный факел» супруги Кира Орлова и Игорь Попков. Место было выбрано заранее. Часов, наверное, в десять вечера выдвинулись из квартиры. Еду несли в сетках и коробках, посуду везли в чемодане на санках.

Ночь была лунная и звездная, не очень морозная. Когда добрались до места, вокруг небольшой сосенки, поскольку елок поблизости не было, утоптали площадку. Сосенку украсили игрушками, прикрепили на ветви настоящие свечи. И тосты, и песни и хоровод — все было. А после двенадцати начали во тьме кататься на санках с огромной горки — по сути это был склон холма. С криком, свистом. Для меня — это очень яркое пятно в детских воспоминаниях. Да и все участники того праздника вспоминали его с удовольствием.

Но эта история имела удивительное и неожиданное продолжение. Почти тридцать лет спустя. Я тогда работал в Дорожной больнице, и у меня был пациент — один из руководителей института «Сибгипротранс». Лежал он в больнице долго, и иногда, когда я дежурил, вели мы с ним неспешные вечерние беседы не только о здоровье и болезнях, но и просто о жизни. Как-то он посетовал, что приходится праздники в больнице встречать, а вот, бывало когда-то... И что-то интересное рассказал. Я ему в ответ тоже начал рассказывать, как однажды встречал новый год в лесу. Он оживился и говорит: «Так вы тоже были на этом празднике?».

— Что значит — тоже, — удивился я. — Я-то там был, а вы откуда о нем знаете?

И он поведал мне занимательную историю. Было это давно. Он, молодой инженер, работал в изыскательской партии где-то в глухой сибирской тайге. И был тогда не то что бы разгильдяем, но легко как-то, не очень серьезно, относился и к жизни, и к работе. И вот в этой экспедиции случилось событие, которое перевернуло всю его жизнь, заставило переосмыслить многое в себе, в жизни. После него и пошел личностный и профессиональный рост.

Я, конечно, был заинтригован, что за судьбоносное событие произошло? И он ответил, что это был один разговор, который длился у костра всю ночь. В экспедицию приехал Али Халилович Алиджанов, который был тогда директором «Сибгипротранса». И, вот они, один на один, всю ночь у костра говорили. Он не ругал, не воспитывал. Просто говорил о людях, о работе, о жизни. И мой пациент говорит, что этот разговор он запомнил на всю жизнь и тогда, не знаю уж, в каком контексте, Алиджанов рассказал об этой встрече Нового года в Академгородке.

Вольдемар Петрович и сам был личностью неординарной, мощной, харизматичной и такие же люди оказывались в самом близком круге его друзей, так с юношеских лет дружеские узы связывали его с Эдуардом Ипполитовичем Ельским. А дружба, которой не препятствовало расстояние, с Зиновием Яковлевичем Корогодским, одним из самых ярких тетралльных режиссеров Советского Союза! Это подлинные интеллигенты, рядом с которыми не только было интересно и познавательно, но и приобретался важный духовный опыт.

«МАМОНТЫ УШЛИ, УХОДЯТ СЛОНЫ...»

Татьяна Моисеевна ИВАНОВА

Зав. ОНТИ КТИ НП, друг семьи

Эти слова я буквально на днях услышала по радио из уст известного режиссера. И поскольку я уже два года собираю материал для книги о Вольдемаре Петровиче, они упали на благодатную почву — мне вдруг очень захотелось тоже поделиться своими впечатлениями о жизни рядом с этим выдающимся человеком. Нашлись и фотографии тех давних лет, и как-то все сложилось...

Я узнала В.П. в середине 60-х годов, когда молодым специалистом начала работать рядом с Маргаритой Абрамовной (женой В.П.) в Институте теплофизики. Мы как-то быстро «нашли» друг друга, несмотря на значительную разницу в возрасте, и их дом стал для меня одним из самых близких. Сразу поразил необыкновенно интересный круг их друзей, в основном из города (для непосвященных — так мы называем Новосибирск). Эти люди были значительно старше меня, но их энергия, юмор, эрудиция, готовность к любым мероприятиям и приключениям — все просто завораживало. И это притом, что и до этого мне довелось повидать и пообщаться с целым рядом людей неординарных, высокообразованных — интеллигентов прошлого поколения. Но те, с кем я встретила в доме на ул. Правды, были не менее замечательны. Это и Эдик Ельский, прошедший путь от инженера-проектировщика до директора отраслевого НИИ и проектного института, чьи прекрасные воспоминания украшают эту книгу, с женой Тамарой, заводилой, организатором, командиршей и душой общества; и Али Алиджанов, ставший за время нашего знакомства одним из отцов города (зам. председателя горисполкома) и проректором Академии ж/д транспорта, и его жена Лида; Гена Ровенский, гроза уголовников Новосибирска, чьи рассказы мы слушали, открыв рты; Олег Голубенко, руководитель крупной монтажной организации; Борис Исаакович Быховский, старейший сотрудник НПЗ, а затем — гл. инженер КТИ НП; Юрий Петрович Тайченачев, известный в городе архитектор и строитель (в домашних условиях) самолета; чета Краснополяских, Артур и Елена, выпускники ЛИИЖТа, он — крупный советский ответработник, она — инженер-разработчик, Лауреат премии СМ СССР; артисты «Красного Факела»: Анна Яковлевна Покидченко, народная артистка СССР и ее муж, засл. деят. искусств, актер и режиссер С. С. Иоаниди; супруги Кира Орлова и Игорь Попков, засл. артисты РФ, старейшие актеры театра; и наши, «городковские», милые Соболевы, Виктор Сергеевич и Екатерина Дмитриевна, тоже написавшие свои воспоминания в эту книгу. И, конечно же, душой этой компании, заводилой, тамадой, центром притяжения всегда был Вольдемар Петрович.

Сколько дней рождений, новых годов, праздников — с переодеваниями, розыгрышами, выступлениями — было отмечено в этом гостеприимном доме! Только Вольдемар Петрович мог организовать прием труппы Ленинградского ТЮЗа (которым руководил близкий друг В.П. знаменитый З. Я. Корогодский), приехавшего к нам на гастроли. Мы, женщины, конечно, ни одного спектакля не видели — под руководством мамы В.П. Анны Леонтьевны лепили тысячи пельменей, зато потом, открыв рот, глазели и слушали Г. Тараторкина, А. Шуранову, Т. Бедову, Ю. Каморного и многих других, запросто сидящих за столом в квартире Коронкевичей!!!

Вольдемар Петрович первым из нас стал уделять внимание созданию определенного стиля в убранстве квартиры — и это в то время, когда буквально ничего нельзя было приобрести. Все наши квартиры были на одно лицо. Но вот В.П. возвращается из заграничной командировки и привозит 1 (один!) рулон обоев невиданной красоты, или витражной

пленки (больше его командировочные деньги купить не позволяли). Начинаются долгие обсуждения – в какой комнате можно заклеить кусок стены? Вообще слушать его рассказы после возвращения из поездок было истинным удовольствием. Запомнился, например, его рассказ, как Ю. Е. Нестерихину (академику) стало плохо (в прямом, не переносном смысле) от посещения хозяйственного магазина в Австрии. Воля вывел академика на воздух и приводил в чувство. И еще – мы долго пытались поверить В.П., уверявшему нас, что в той же Австрии, например, в магазинах 10 (20?, 30?) сортов колбасы! Нам казалось – он нас разыгрывает, и мы все приставали к нему – куда они, эти буржуи, девают нераскупленную к вечеру колбасу?

Как-то мне довелось поехать в компании Коронкевичей и Б. И. Быховского, большого старинного друга В.П., на лодках на Обское море. Сама поездка была великолепна, но главное и незабываемое – это их разговоры, разговоры умных, неординарных, эрудированных и остроумных людей; просто невозможно было оторваться.

Я не очень-то запомнила, каким отцом был В.П. (но, видимо, хорошим, поскольку они с Ритой вырастили двух прекрасных сыновей), но вот дедом он оказался превосходным. Дети (внуки) с разных концов страны (Минск, Москва, даже Ленинград, где жили двоюродные внуки по линии Маргариты Абрамовны) слетались в Академгородок и никуда больше ехать не желали. Сначала им было 2–3 года, потом 10–12, потом..., а они все по-прежнему с огромным удовольствием приезжали к деду с бабушкой в их теплый гостеприимный дом. Пока детки были маленькими, и их тут собиралось по 5–6 «штук», жизни В.П. в доме не было. Но он никогда не только не роптал, хотя места не только для работы, а иной раз и для сна, ему не находилось, но и всячески этот бедлам поощрял. В те времена (и долго это продолжалось) вся наша «молодежь» (начиная с 2–3-х лет и практически по настоящее время) обожала ездить на базу, преимущественно КТИ НП, сначала с бабушками (М.А. и я), затем самостоятельно. И каждый раз с любой оказией Воля передавал нам какие-нибудь вкусности, а к возвращению семейства готовился роскошный пир! Иногда и сам В.П. присоединялся к нашей «базовой» компании. С ним становилось еще веселее!

Та самая поездка на Обское море.

Слева направо: Маргарита Абрамовна, Людмила Петровна Смирнова и Вадим Васильевич Мусатов, коллеги по Институту теплофизики, Вольдемар Петрович, Татьяна Моисеевна Иванова. Фото Б. И. Быховского (~ 1970 г.)

Стыдно признаться, но иногда у меня мелькала мысль, что В.П. выбирает в друзья только людей значительных, занимающих определенное положение в обществе. Потом я поняла — это далеко не так. Просто они, эти незаурядные, интересные люди, сами тянулись к Вольдемару Петровичу, а он, как всегда, становился центром притяжения. Интересно, что эти же мысли (и с тем же выводом) я прочла в воспоминаниях племянника (со стороны М.А.) В. Шацева. Да и масса примеров искреннего интереса В.П. к людям «обыкновенным». Как-то В.П. отдыхал в Сосновке (или Речкуновке). М.А. была в отъезде и я, собрав «общих» внуков, поехала его навестить. Надо было слышать и видеть, как, с каким интересом рассказывал он о своих соседях по столу. В частности, о молодой женщине, торгующей мясом на Центральном рынке. Этот мало известный ученому из Академгородка пласт жизни вызывал в нем неподдельный интерес, и я уверена, что будь этот рынок поближе, эта дама стала бы очередной гостьей в доме Коронкевичей.

В последние годы, когда В.П. уже чувствовал себя неважно, был слаб, много находился в своей комнате, стоило нам с Ритой устроиться в кухне с чашкой кофе, как появлялся Воля, строго спрашивал, почему не пьем вино, тасил нам бутылку (в доме всегда водились прекрасные напитки для гостей) и принимался читать стихи понравившегося в данный момент поэта, в последнее время он очень увлекался рано ушедшим из жизни Борисом Рыжим. А сколько книг и газет он покупал, всем живо интересовался, даже в больницу в последние дни попросил принести прессу. И сейчас, читая «Новую газету», помню, что это была любимая газета В.П.

Вольдемар Петрович оставил после себя двух отличных сыновей, шесть внуков (есть уже и правнуки). Все они очень его любили (и любят, и помнят до сих пор, я уверена). Я поддерживаю связь и с Минском (где живет семья Сережи), и с Мэдисоном, США (где в семье младшего сына Мити живет сейчас Маргарита Абрамовна) и считаю их практически членами своей семьи. А вот дома по улице Правды мне так не хватает! Как-то новая хозяйка квартиры попыталась зазвать меня посмотреть, как она перестроила квартиру. Но я не захотела. Каждый раз, проходя мимо, смотрю на знакомый балкон и вспоминаю...

В ДОМЕ НА УЛИЦЕ ПРАВДЫ

Дарья Дмитриевна КОРОНКЕВИЧ (ГЛУЩЕНКО)

*Специалист в области экономики, банковский работник,
г. Москва, внучка В. П. Коронкевича*

Самые ранние воспоминания о дедушке — это походы к нему на работу. Они случались не часто — один, максимум два раза за лето. Нас к этому готовили — красиво одевали, напоминали правила поведения, хотя последнее можно было и не делать — для нас событие это было настолько серьезным и значимым, что ссориться или шуметь мы бы там и так не стали. Мы приходили на проходную и ждали, когда дедушка выйдет и заберет нас к себе в лабораторию. Все это — и пропускной режим, и само слово «лаборатория» уже восхищало. Моя мама работала с мебелью, папа в то время вообще занимался непонятной «индивидуальной трудовой деятельностью», а тут такое! А в самой лаборатории — неизвестные приборы и серьезные ученые, каждый из которых непременно интересовался, кто из нас Митин, а кто Сережин. Когда мы стали постарше — в лаборатории появились персональные компьютеры — тоже чудо того времени, которое, правда, больше интересовало Артема, чем меня. Спустя много лет в дедушкину лабораторию я привела и сына Сашу.

Еще помню, как дедушка рассказывал нам про линзы. Про то, что у них есть фокус, и что они собирают солнечные лучи в одну точку, которая может поджечь бумажку или пучок сухой травы. Эксперименты не заставили себя долго ждать. Еще у него была одна очень необычная линза — с одной стороны выпуклая, с другой гладкий прямоугольник — специально, чтобы можно было рассматривать марки. Не знаю, связано это как-то или нет, но раздел «оптика» из учебника физики много лет спустя стал моим любимым.

А больше всего мне запомнилось лето 1994 года. Я только что приехала, и, как всегда в первую неделю, мне было немного тоскливо. В ту ночь я долго не могла заснуть, на меня накатила опустошающий страх неотвратимой смерти, потекли слезы. Остаться одной было просто невозможно, я завернулась в одеяло и пошла к дедушке, только в его комнате был свет от торшера и телевизора — он смотрел первые матчи чемпионата мира по футболу. Я не знаю, заметил ли он мое состояние, не помню, говорила ли я ему, что мне грустно и страшно, но мы сели рядом, и он стал объяснять мне правила игры, рассказывать про угловые и офсайды, показал турнирную таблицу в газете. До поздней ночи мы вместе смотрели матч. Это был первый и единственный в моей жизни футбольный чемпионат, за которым я следила с таким искренним интересом. По утрам мы вместе с дедушкой ходили в киоск покупать «Спорт-экспресс» и «Советский спорт», смотрели практически все матчи, заполняли турнирную таблицу, подсчитывали очки. Я помню, как мы радовались ничего не меняющей игре Россия—Камерун и голам Саленко, как расстроился дедушка, когда финальный матч нам показали не полностью — первый тайм, а потом сразу дополнительное время. Я пыталась ему объяснить, что позже будет полная трансляция, но он отвечал, что раз уже и так известно, что за второй тайм ничего не забили, смотреть будет совершенно не интересно. Нам вообще ни в коем случае нельзя было рассказывать дедушке результаты матча, если мы узнали их днем по радио или телевизору, а он собирался смотреть вечернюю трансляцию. Я болела за Италию, так как там играл Роберто Баджо, а дедушка — за Бразилию. Поэтому после финального матча он был доволен, а я совершенно раздавлена, мало того, что моя команда проиграла, так еще кумир запустил решающий пенальти мимо ворот.

Помню, как в один из его приездов в Москву мы гуляли по Тверской, зашли в книжный магазин и он купил мне собрание сочинений Довлатова. Книги я просто «проглотила», и по сей день, когда я проезжаю мимо этого магазина, всегда вспоминаю дедушку.

Я сейчас не пишу про наши замечательные ночные посиделки на кухне, когда он рассказывал обо всем подряд, о театре и поэзии, о физиках и лириках, о каких-то исторических событиях и персонажах или истории про нашу семью. Сейчас я очень жалею, что институт, работа и страх перед авиаперелетами уже не позволяли часто приезжать в Новосибирск в последнее время, и очень о многом я так и не узнала.

О РОДИТЕЛЯХ МОЕГО ОТЦА

Дмитрий Вольдемарович КОРОНКЕВИЧ

*Инженер компании Кодак, г. Мэдисон, США,
сын В. П. Коронкевича*

Из записок моей бабушки, мамы Вольдемара Петровича – Анны Леонтьевны Коронкевич:

«Я родилась в 1899 году в местечке Острино, Лидского уезда, Виленской губернии, ныне город Острино в Белоруссии. Семья состояла из трех братьев. Все женаты. Младший, Павел, жил в Вильно, работал в Управлении Полесских железных дорог, а Леонтий (мой отец) и Федор жили в одной избе в местечке Острино. Отец мой рано умер, мне исполнилось тогда три года. Его я совершенно не помню. Мама осталась в этой же избе с семьей дяди Федора.

У мамы была одна корова, и у дяди Федора одна корова и лошадь. На лошади он обрабатывал землю. Земли было три десятины. Причем вся она была в полосках в разных местах. Удобрений тогда никаких не было. Урожаи были неважные. И так у всех крестьян. Молодежь – парни – уходили в Петербург, устраивались на заводы, а девушки – в города прислугами. Земли остринские были окружены фольварковскими и помещичьими землями.

Весной на детей надевали мешочки (по-белорусски – торбочки) и отправляли их за щавелем. Мы шли сначала на земли Лыщика. Старый Лыщик, если увидит нас, то натравит собак. Собаки бегут за нами, а мы разлетимся в разные стороны, и собаки останутся. Тогда мы вновь собираемся и идем на земли Бугримовича. Те живут далеко, и мы спокойно собираем, а когда наполним мешочки, отправляемся домой. Дома отделяем на обед, а остальное назавтра продаем. Если удавалось на 6–7 копеек продать, то это считалось хорошо. Эти деньги родители сохраняли до осени – на платочек новенький или ситец на кофточку, когда пойдешь в школу. Вот так и проходила весна. Наступало лето. Взрослые уезжали на жатву и косьбу, а нам, детям, было задание нарвать в огороде травы. Эту траву резали так, чтобы хватало на три раза для свиненка, посыпали отрубями и кормили его. Коровы с поля приходили голодные и во дворе ревели. Поэтому нам было задание сходить поискать травы для коров. С мешочками через все местечко шли на свои полоски, где росла гречиха и чечевица, и там набирали травы и тащили домой. Кроме этих работ, были еще и другие, и мы все выполняли. Вечером приходили с поля коровы, им давали немного травы, и они успокаивались. Взрослые доили коров, варили затирку и нас кормили. Мы наедались и сейчас же укладывались спать. Вот так, примерно, проходило лето.

Наступала осень. Дети надевали самотканые юбочки, ситцевые кофточки, белые платочки и отправлялись в церковно-приходскую школу. Их встречала учительница, тех, которые пришли в первый раз, спрашивала, умеют ли читать, и усаживала всех за парты. Задавала уроки на завтра по русскому языку и по арифметике, и мы отправлялись домой. Первые дни, пока было светло, занимались без огня, а потом – при лучине. Лампу только иногда по праздникам зажигали, так как не было керосина. Но дети учились хорошо. На ужин отваривали картошку и макали ее в купленный соус от селедки, которая находилась в бочках. Мама мне всегда давала один кусочек селедки, и я ей была очень благодарна за это.

Когда наступали праздники Рождества Христова, то убивали свинушку, и некоторое время для всех был праздник. Так постепенно прошли три года. Я окончила успешно церковно-приходскую школу и пошла учиться в двухклассное училище. Дядя Павел, когда приезжал к нам, спрашивал меня, где находятся города и реки. Я ему все отвечала. Он говорил: «Учись, учись, закончишь двухклассное училище, я тебя возьму учиться в Вильно». В двухклассном училище был очень хороший преподаватель, но ужасно бил мальчишек за каждую провинность; только и раздавался треск по комнате от пощечин. Девочек он никогда не обижал.

Наконец, и это училище я закончила успешно. И вот какая радость: дядя забирает меня в Вильно, а мама уезжает с его дочерью в Гродненскую губернию. Дядина дочь – учительствовать, а мама – хозяйствовать у нее. Мне сшили серое шерстяное платье, черный передник, и я пошла учиться. Мне так хорошо было, что я никогда не забуду это время. Я жила одна в комнате, где было чисто, уютно и заниматься очень хорошо при лампе. Дядя был очень хороший человек и относился ко мне, как к своей дочери. Все было хорошо, и вдруг – империалистическая война с Германией. Я и дочь дяди уехали в Оршу к двоюродному дяде. Там стояли военные. Жили они хорошо, да и мы тоже неплохо. Получали на семью пол-оклада дядино, которого эвакуировали в Гомель. Почти два года там пришлось жить. Я по ночам, когда никто не видел, очень плакала, что не учусь. Наконец дядя вызвал нас в Гомель. Я сразу поступила в Преображенскую гимназию. Проучилась там год, потом летом подготовилась и сдала за 5-й класс. Училась я хорошо и никогда не платила за право учения – освобождали как хорошую ученицу. Наконец кончилась учеба и началась работа. Сначала в военных учреждениях, потом в гражданских, но я все мечтала поступить в институт, но эта моя мечта так и осталась мечтой.

Начала работать в гражданских учреждениях и решила приобрести какую-нибудь профессию: начала с курсов рукоделия, потом пошла на курсы кройки и шитья, бухгалтерии, машинописи и, наконец, на двухгодичные курсы главных бухгалтеров. Работала в профсоюзках – зам. главного бухгалтера и главным бухгалтером. С последней должности ушла на пенсию и уехала в Ленинград нянчиться с внуками. Все внуки мои (дети Воли и Гали), а их было четверо, выучились, закончили высшие учебные заведения, женились, имеют детей. Я им очень благодарна за то, что они хорошо ко мне относятся. Правнуков у меня восемь человек. Четверо уже пошли учиться, учатся хорошо. Учитесь, детки, чтобы родители на вас порадовались!».

В этих коротких записках совершенно не упоминается ее муж, отец Вольдемара Петровича – Буевич (Горбусвин) Петр Иосифович. Когда я пытался узнать у бабушки что-либо о моем деде, она не рассказывала ничего, даже как-то странно не помнила, в каком году он родился. Я только позже смог по рассказам других людей собрать какие-то осколки истории его семьи.

Из немногих рассказов бабушки я узнал, что она во время гражданской войны находилась в Красной Армии в обозе. Вспоминала, что когда они приходили в село на постой, то местным жителям это очень сильно «не нравилось». Она сама всегда старалась помочь по хозяйству людям в доме, где она находилась, вымыть полы и т. п. Тогда устанавливались несколько лучшие отношения. Об этом времени в ее записках всего одна фраза: «...и началась работа. Сначала в военных учреждениях...».

Я не знаю, где и как она познакомилась с моим дедом.

Моя тетя Коронкевич Галина Петровна однажды рассказала мне о своем глубоко детском воспоминании: она стоит с мамой, а где-то внизу за решеткой лицо ее отца; он сильно небрит. Это, видимо, происходило году в 24-м. Позже я рассказал об этом факте в семье родственников Анны Леонтьевны (Стефановичи), и от них мне стало известно, что дед сидел в тюрьме. Впоследствии кто-то из этой семьи достал для Петра Иосифовича документы умершего человека по фамилии Горбусвин. Таким образом, дед сменил фамилию, и вскоре они сбежали в Сибирь, куда затем приехали его братья и отец. Видимо, по этой причине у моего отца (и у нас всех) фамилия Коронкевич, как у Анны Леонтьевны.

Петр Иосифович умер от инсульта в Москве в 1948 в гостинице, которая находится напротив ресторана «Будапешт» и похоронен на Введенском (Немецком) кладбище. Папа мой ездил на похороны из Ленинграда; в это время он был студентом ЛИТМО.

О МОЕМ МУЖЕ – С ЛЮБОВЬЮ

Маргарита Абрамовна КОРОНКЕВИЧ

*Кандидат технических наук,
жена Вольдемара Петровича*

С Вольдемаром Петровичем я познакомилась очень давно, более 60-ти лет тому назад. Война еще не кончилась, но некоторые ленинградские вузы, которые покинули город в первые месяцы войны, уже подтягивались к «родным пенатам», чтобы продолжить прерванную учебу.

Так было и с Институтом точной механики и оптики (ЛИТМО), обосновавшимся в г. Черепаново недалеко от Новосибирска, куда поступил Вольдемар Петрович. Так было и с Институтом ж.д. транспорта, связи и сигнализации (ЛЭТИИС), куда поступила я буквально в день начала войны. По окончании (в г. Алма-Ата) двух лет учебы я с группой студентов поехала в Ленинград на восстановительные работы в институте. Когда эти работы закончились, я решила из Ленинграда не уезжать и перешла на третий курс ЛИТМО. Это и стало местом нашей встречи, а еще более конкретно – этим местом оказался спортзал института. Время было тяжелое, но что нам, молодым, здоровым, веселым! Мы оба любили спорт во всех его проявлениях, а надо сказать, спортивная кафедра (ее возглавлял Пашковский) была очень активная: наши студенты принимали участие в районных и городских соревнованиях, что нас, любителей спорта, объединяло.

Воля был завидным «кавалером», тем более в те времена, когда мужская половина студенческих компаний едва просматривалась по количеству участников (например, в моей группе мужчины находились в соотношении 1: 20). Его веселый, активный, общительный характер делал его, как правило, центром компаний; его начитанность, прекрасная память, умение интересно рассказывать, большой круг знакомых в спортивной и театральной среде позволяли ему быть таким.

Приятно поражала щедрость его души, забота, внимание к друзьям; мне это всегда очень импонировало. Мы начали часто встречаться, в относительно хорошем темпе прошли последние два года моей учебы. Поскольку институт был в ведении Министерства вооружений, распределение на работу было строгим, с обязательной явкой к месту назначения. Я получила назначение на Новосибирский приборостроительный завод п/я 105. Родившийся сын Сережа «спас положение», и я вернулась в Ленинград. К этому времени мы зарегистрировали брак. Достаточно большой круг знакомых позволил найти мне работу, и Министерство вооружений оставило меня без внимания. Появился стабильный заработок, это позволило найти няню для сына. Но вот заканчивает институт Вольдемар и получает назначение... в Новосибирск, в тот самый «ящик», куда посылали меня. Опять мы живем на два дома и с трудом решаем финансовые проблемы. Так продолжалось три года. Здесь мне хочется остановиться и выразить глубочайшую признательность Анне Леонтьевне – маме Вольдемара Петровича. Это была скромная, работящая, спокойная женщина; благодаря ее заботам мы всегда находили выход из сложных положений без каких-либо конфликтов, и когда вместе с ней жили в Ленинграде, и врозь в Новосибирске.

Родился младший сын Митя, опять за помощью обращаемся к Анне Леонтьевне.

Вольдемар Петрович поступает в аспирантуру Ленинградского института мер и измерительных приборов (ВНИИМ им. Менделеева), довольно быстро подготавливает и защищает диссертацию. Ему предлагали работу и в Ленинграде, но он выбрал Новосибирск: там малая Родина, мама, друзья; все знакомое, родное.

Итак, мы окончательно переезжаем в Сибирь.

Для принятия этого непростого решения – покинуть Ленинград и поселиться в Новосибирске – было важное обстоятельство, о котором хочется вспомнить: к этому времени не только было принято решение на правительственном уровне о строительстве научного центра в г. Новосибирске, но уже реально началось это строительство: сдавались жилые дома, институтские корпуса, съезжались будущие сотрудники Академа, вполне современная дорога соединила Городок с г. Новосибирском, создавались и росли центры культурной жизни – школы, Дом ученых, кинотеатр. Жизнь в городке благоустривалась, быстро улучшалась.

Новосибирск – родной город Вольдемара Петровича. Здесь жила Анна Леонтьевна – мама В.П., которая очень любила своего сына и много сил отдавала нашей семье. Вообще, в Новосибирске В.П. чувствовал себя дома, здесь жила его сестра – Галина Петровна с большой семьей. Друзья В.П., с которыми его связывали годы совместного проживания в Новосибирске, годы учебы, годы радостных и нерадостных событий, приняли меня в свою компанию, и я ощутила всю прелесть общения с ними.

Итак, мы приехали, и жизнь очень быстро вошла в нормальную колею – работали, дети учились, росли.

Мы старались совмещать работу с отдыхом, никуда не выезжая, а используя все преимущества жизни в столь благоприятных условиях. Летом мы, как правило, ездили на базы отдыха, создаваемые на берегу Обского водохранилища, ездили и ходили за грибами, что очень любил и умел В.П.

С улучшением условий жизни (у нас уже была трехкомнатная квартира) к нам начали приезжать на летние каникулы родные из Ленинграда; собирались веселые детские компании, нравилось море, лес и вольная жизнь. Вольдемар Петрович встречал всех как самых дорогих гостей. Я однажды слышала реплику кого-то из детей: «Я люблю ездить на базу отдыха, но самый лучший момент этих поездок – возвращение домой, где нас встречает дядя Волик, красиво накрытый стол со всякими “вкусностями” и веселый разговор». В этом весь заботливый и любящий свою большую семью, благожелательный и щедрый В.П.

У нас в семье никогда не обсуждалась идея снова поменять место жительства ближе к центральным городам России. Нам все здесь нравилось, но, как потом оказалось, молодежь об этом думала иначе.

Уехав из родного дома, дети начали выстраивать свою «взрослую» жизнь. Это проходило негладко, с ошибками. В.П. проявлял мудрое спокойствие, не вмешиваясь в их дела, но помогая безотказно материально. В этом отношении В.П. был безукоризненно щедр. Старший сын Сергей поступил в НИИГАиК, а закончил свое высшее образование в Ленинграде, в ЛИТМО, где учились его родители. По окончании учебы он получил направление на работу в Минск; здесь он закрепился, женился, и в его семье родился старший внук Вольдемара Петровича – Артем, а затем и внучка Анна.

Уехать из дома и пожить самостоятельной студенческой жизнью загорелся и Дмитрий. Его поманил Московский полиграфический институт. Так сложилась жизнь, что теперь он живет в Америке. У него четверо детей, последние годы, после ухода В.П., я живу с ними, мы часто вспоминаем Вольдемара Петровича и рассказываем о нем младшим, не помнящим его, внукам, которых он так любил.

ВОЛЯ В ДАЛЕКИХ ПЯТИДЕСЯТЫХ

**Роман Петрович КОСТЫЛЕВ и
Галина Филипповна ПЕРЕСТОРНИНА**

Архитекторы, Санкт-Петербург

50–55 лет назад, когда Вольдемар Петрович жил с семьей в Ленинграде, близкие знакомые звали его просто Воля. Это было ласково-дружелюбное обращение. Оно отражало открытость и общительность этого человека. Воле были присущи приветливость, мягкость и понимание ситуации в контактах с людьми самого разного свойства и социального положения. Он обладал большой внутренней интеллигентностью.

В Ленинграде наши семьи жили неподалеку друг от друга. Лето мы проводили на берегу одного из красивейших озер на юге Ленинградской области. Прекрасная природа и пейзажи издавна привлекали на берега Череменецкого озера (его длина 15–16 км) разных людей еще с царских времен. Здесь были усадьбы Половцева, князя Львова, певицы Преображенской. В советское время здесь отдыхали артисты Мариинского театра, наездами бывали художники.

В первые послевоенные годы садово-огороднических хозяйств еще не было. Ленинградцы на лето арендовали комнаты в деревнях по умеренным ценам, то с молоком от хозяйской коровы, то с картошкой — как договоришься, как повезет. Тогда все жили небогато. Добирались мы до своей деревни на поезде с паровозом и на автобусе по грунтовым проселочным дорогам.

Усадьба Половцева, возле которой мы жили в деревне, была разрушена. Судя по историко-архитектурным материалам, это был 2–3-этажный дворец с широкой наружной лестницей, с пандусами, с курдонерами. Но после войны остались только цоколь и лестница. В наше время среди руин в одном из курдонеров бывшего дворца была устроена волейбольная площадка. Наши семьи любили волейбол. Мы много играли в перерывах между походами в лес за грибами и ягодами (леса в Лужском районе роскошные, не хуже карельских).

Запомнилось, что Вольдемар Петрович в волейболе хорошо исполнял функцию пасовщика. А это очень важная роль для достижения успеха в этой командной игре. Наигравшись в волейбол, шли купаться на уютный пляж, который был в ста метрах. Рядом плескались наши ребяташки. Было «классно», как сейчас говорят.

Ходили мы вместе и в дальние походы пешком и на велосипедах. Вокруг Череменецкого озера, к Череменецкому монастырю, к соседним озерам — Скребловскому, Раковскому.

Запомнилась велосипедная поездка из нашей деревни в Псков — 300 км туда и обратно с ночевкой в гостинице. Воля проявил себя как весьма приличный спортсмен. Шоссе было тогда старенькое, двухколейное, частично асфальт, частично щебень.

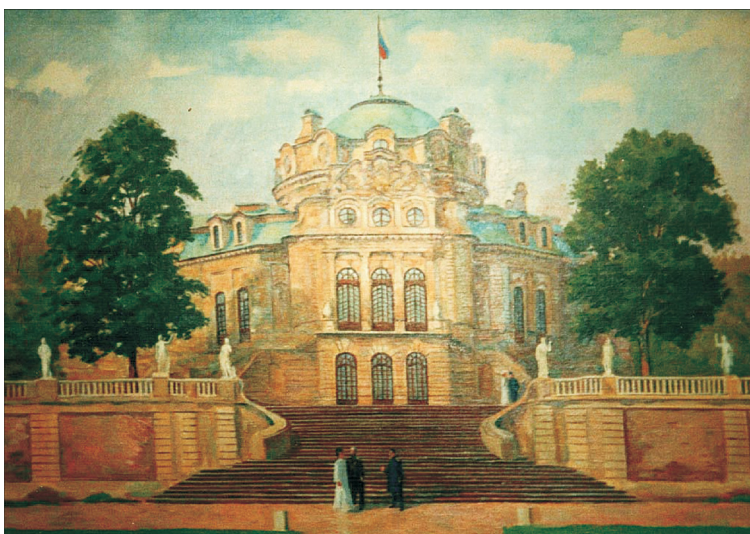
Не обремененные огородами и хозяйством, озабоченные лишь присмотром за детьми и приготовлением на керосинке нехитрого обеда, наши семьи, почти как дореволюционные дачники

Вид на Череменецкое озеро.

Дворец А.А. Половцева – чудесный образчик барокко, который называли Лужским Версалем.

из пьес Горького и Чехова, имели много времени для общения и бесед на самые разные темы. У Воли с женой было техническое образование. У нас – гуманитарное. Но мы находили общий язык, чему способствовали разносторонность интересов Вольдемара Петровича, его вдумчивость в любые проблемы. Эрудированность в сочетании со смелостью суждений вселяли уверенность, что у этого человека должен был быть сильный научный потенциал. Ему были присущи и смелые решения. Узнав о том, что в Сибири зарождается новый центр науки, он немедленно принял решение внести свой вклад в это грандиозное начинание. Вольдемар Петрович легко снялся с насиженного места в Ленинграде и уехал с семьей в Академгородок под Новосибирском.

В последующие десятилетия мы виделись редко. Он навещал нас, когда бывал в командировках в Ленинграде или проездом за границу. Он был хорошим рассказчиком, и мы ждали встреч с ним с большим удовольствием.

Память о Вольдемаре Петровиче Коронкевиче мы сохраним до конца наших дней.

МОЕМУ ДРУГУ ВОЛЬДЕМАРУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Михаил МАЙЗЛИН

Заслуженный работник культуры России (Чикаго, США)

Смерть всегда неожиданна! Даже для родных и близких, которые находятся рядом, и уж тем более, если между людьми океан и огромное расстояние от Чикаго до Новосибирска. С годами дружба перерастает в нечастые встречи, телефонные звонки, поздравления с праздниками и днями рождения. Но сохраняется главное — постоянная память друг о друге. Однажды Вольдемар мне сказал: «Наша дружба однажды и навсегда!». Лучше не придумаешь. И подтверждением тому стала вся наша долгая жизнь.

65 лет назад мы встретились в студенческой компании в Ленинграде. Мне был 21 год, Вольдемару — 19. Он вместе с женой Маргаритой учился в Ленинградском институте точной механики и оптики (ЛИТМО), а я — в Институте физической культуры им. Лесгафта. Видно, мы были именно теми «физиками и лириками», которых в 40-е годы прошлого столетия интересовали политика, экономика, театр, литература, спорт.

Ленинград, дворцовая площадь.

В Волике, как я его называл, поразительно сочетались острота ума, энциклопедическая образованность, высочайшая культура, независимость суждений, универсализм и остроумие. Говорить с ним всегда было чрезвычайно интересно, какую бы тему мы ни затрагивали: зарубежную классику, достойные произведения советских писателей, творчество шестидесятников — Булата Окуджавы, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Александра Галича, Василия Аксенова. Когда кто-то из них приезжал в Академгородок, Вольдемар Петрович «нажимал на все педали», чтобы попасть на творческую встречу. Он не пропускал ни одно-

В. П. Коронкевич, М. С. Майзлин и А. В. Иванов (муж сестры В.П.К.)

го спортивного события из проходивших в Новосибирске. Огромным событием в его жизни была встреча с Михаилом Ботвинником и Максом Эйве.

Казалось бы, в соответствии со стереотипом, доктор технических наук в области лазерной оптики, ведущий сложнейшую научную работу во многих странах мира, должен быть «сухарем», заиклым на научных проблемах. Но только не Вольдемар Петрович! Его интересовало все и все! И главное — он всегда был готов прийти навстречу близкому, тому, кто в этом нуждался. Наверное, с этого и начинается настоящая дружба, во всяком случае, наша! Когда мы познакомились, на дворе стоял 1946 год, над страной сгустились послевоенные сумерки сталинских репрессий. Незаметно подошел 1948 год, началось время печальных событий, связанных с «Ленинградским делом», которое коснулось не только партийно-хозяйственного актива города, но и многих учебных заведений. В моем родном Институте им. Лесгафта — отстранен от работы ректор, многие профессора и преподаватели были репрессированы. В эти годы я был избран секретарем комсомольской организации института. «Карающий меч» не обошел и меня. Последовал вызов в «Большой дом». Сутки с меня требовали признания в создании в Институте «баптистских кружков», в которых велась антисоветская пропаганда. К счастью, обошлось без лагерей.

По окончании института в 48-м меня распределили в Ленинград, но с устройством на работу возникли большие проблемы. Кто в те годы хотел иметь специалиста, у которого деда звали Берка, бабушку Голда, отца Шмуילו Беркович, а маму — Клара Самойловна! Надо было уезжать из Ленинграда. Тогда Вольдемар и оказал мне дружескую и сердечную помощь. Он предложил поехать в его родной Новосибирск и на первое время остановиться в его доме. Этот адрес навсегда остался в моей памяти: дом 35 по улице Обдорской, где нас встретили, как родных, мама Вольдемара — Анна Леонтьевна и вся их семья. Здесь я на собственном опыте осознал, какие сибиряки отзывчивые, доброжелательные, гостеприимные и скромные люди.

В Новосибирске прошли 45 лет моей жизни. Мы встречались с Воликом постоянно. Часто при встречах, которые длились до глубокой ночи, я оставался у них в Академгородке. Мы не могли наговориться...

В 1996 г., уже у меня в США, мы отметили «Золотой юбилей» нашей дружбы. В 2005 году я написал книгу «Однажды и навсегда», в которой рассказал о своей жизни и нашей дружбе. Вольдемар был идейным вдохновителем этой работы.

По сложившейся традиции 6 июня 2009 года я позвонил в Новосибирск, чтобы поздравить друга с днем рождения, 82-летием. Печальная весть пронзила мое сердце. Я рыдал на глазах родных, не в силах сдержаться! Мне всегда здесь, в Чикаго, не хватало общения с ним. Как жаль, что в последние годы наши встречи были столь редкими!..

Твой духовный и человеческий след навсегда останется в моем сердце и мыслях, дорогой, незабвенный друг!

О ВОЛЬДЕМАРЕ ПЕТРОВИЧЕ КОРОНКЕВИЧЕ НЕ КАК ОБ УЧЕНОМ

Екатерина Дмитриевна СОБОЛЕВА

*Заместитель ученого секретаря по общественным наукам
Президиума СО РАН, в настоящее время пенсионерка,
активная общественница*

Примерно в середине 70-х мы сблизилась с семьей Коронкевичей – Волей и Ритой. Просто у моего мужа Виктора Сергеевича и Вольдемара Петровича образовалась совместная научная тема. Они стали чаще общаться по работе и общение переросло в дружбу семьями.

Именно с ними в наш дом вошло что-то интеллигентное, доброе, разумное, юморное, тактичное, любознательное, душевно-широкое, безумно информированное – это аура Вольдемара Петровича Коронкевича.

Вольдемар Петрович – это человек-праздник. Не я это сравнение придумала, но оно мне нравится, я с ним согласна. Его безумная организованность и одаренность помогала успевать делать очень многое. Он умел весьма интересно проводить домашние праздники, в них всегда была какая-то изюминка, он успевал одарить всех своим вниманием, каждому сделать комплимент, похвалить прическу или праздничный наряд женщин. И все это вроде бы мимоходом, при случае, чтобы не смущать гостя. Компании были шумные, многочисленные: здесь и школьные друзья, и артисты «Красного факела», и сослуживцы, и друзья друзей. Всем хватало места и внимания. Он был очень щедрым и хлебосольным.

В эти годы мы купили машину «Жигули-копейка». Мы любили свою машину, часто мыли, оберегали. В те годы это была значительная покупка. Воля написал тогда для Виктора такие стихи: «Виктор Сергеевич! Вы профессор, снимите шляпу, оденьте фрак, и от любви к своей машине духами заправляйте бак!».

В осенне-летний период мы с Волей и Ритой часто ездили в Караканский бор за грибами и ягодами. Это поездки были приятны еще и тем, что мы много говорили на разные темы: о театре и артистах (он многих знал лично – новосибирских, ленинградских), о новых романах в «толстых» журналах, об искусстве и исполнителях, о музыке и живописи. На эти темы с ним было очень интересно беседовать. Он, несомненно, знал больше, чем кто-нибудь другой. В лесу Вольдемар Петрович никогда не торопился, не забегал вперед и даже как будто отставал, но грибов у него всегда было очень много, а главное, они всегда были красиво уложены и уже почищены. И в этом весь Коронкевич, он не мог иначе.

В те годы была привычка у научных сотрудников обязательно передавать какой-то срочный документ с тем, кто ехал в командировку в Москву (Интернета ведь еще не было). Как-то Вольдемар Петрович собирался в Москву, а Виктор Сергеевич должен был отправить с ним в Академию наук какой-то срочный документ. Часов до одиннадцати вечера мы названивали В.П. домой, а он все еще был в институте, завершая свои дела. Наконец, он отозвался. Мы срочно пошли к нему. Представляю, как он устал, насколько был голоден (Маргарита Абрамовна в это время была в отъезде). Мы вошли, Воля сидел на кухне, ужинал. Я обратила внимание на стол и была просто поражена: тонко нарезаны сыр, колбаса, на другой тарелке нарезан и положен хлеб, в салатнице – овощи. Все это приготовлено так, как мы (я) нарезаю и накрываю праздничный стол. Аккуратно, красиво, не торопясь, а ведь он безумно устал.

В те годы очень модными были анекдоты. По-моему, это была возможность оценить или выразить свое мнение и отношение к окружающей нас действительности.

Анекдоты Вольдемара Петровича были очень меткими, легкими, рассчитанными на понимающих юмор. В них не было скверных слов, грубости и дуракизма. Анекдоты были умными.

На отдыхе в Караканском бору. Лежат: Ю. Н. Дубнищев и М. А. Коронкевич, сидят: В. П. Коронкевич и Норма Файстауэр («Карл Цейсс» Йена, ГДР), стоит: В. С. Соболев. Фотографирует: Е. Д. Соболева.

Вот некоторые из них, может не самые интересные, но то, что мне запомнилось и вспомнилось сейчас.

1. Если двое считают деньги, стань рядом — хуже не будет.
2. Рабинович нашел кошелек с деньгами, посчитал — «Опять не хватает».
3. Вопрос: «Почему у футболистов трусы короткие, а у хоккеистов длинные?» Ответ: В хоккей играют настоящие мужчины!
4. Романов (секретарь Ленинградского обкома) посылает телеграмму Людмиле Сенчиной (замечательная певица, очень известная по тем временам и, по слухам, дама сердца Романова): «Вылетел из Кремля — встречай».
5. Пациент приходит к зубному врачу. Врач посмотрел и удивился: «У Вас все в порядке, зубы золотые, пломбы брильянтовые». Пациент: «А я насчет охраны».
6. В Париже в отеле уговаривают русского гостя всего на одну ночь подселить к нему женщину — француженку, которая опоздала на поезд и завтра очень рано уезжает. Дама: «Месье, Вы не могли бы открыть форточку, мне душно». Открывает. Через минуту: «Месье, Вы не могли бы закрыть форточку, мне холодно». Закрывает. Голос дамы: «Знаете, когда мне бывало холодно, мама согревала меня своим теплом». Русский: «Мадам! Но где же я ночью, в чужом городе, найду Вашу маму?»
7. В России три человека счастливы и довольны своей жизнью: Райкин — отец, Райкин — сын и Райкин — муж.
8. Василий Иванович сдавал экзамен по математике и провалился. Петька спрашивает: «А какой вопрос тебе достался?» — «Что вы знаете о квадратном трехчлене?». «Знаешь, Петька, я не то, что ничего не знаю, я даже представить себе такое не могу».
9. Чукча был на XX съезде КПСС. Его спрашивают: «Ну и что там говорили?» «Там говорили — все для человека, и я даже видел этого человека».
10. Когда чукчу спросили, читал ли он роман «Один день Ивана Денисовича», чукча ответил: «Чукча не читатель, чукча писатель!»

МОЙ ДЯДЯ ВОЛЬДЕМАР ПЕТРОВИЧ КОРОНКЕВИЧ

Анатолий Натанович ШАЦЕВ

*Кандидат физ.-мат. наук, сотрудник ГОИ,
племянник В. П. Коронкевича, Санкт-Петербург*

Муж сестры моей матери тети Маргариты. Для меня с самого детства — просто дядя Воля. Мои краткие воспоминания в основном о тех временах моего детства и юности 50–60-х гг. Я знаю, что память очень подводит, и могу иногда путать факты. Но чувства врут меньше. (Разве что время смягчает плохое и укрупняет хорошее.) О дяде Воле я помню только хорошее.

Имя такое необычное — Воля. Красивое имя. Когда я научился читать лет в 5 или 6, в отцовской библиотеке начал читать заголовки книг. Попалась какая-то пропагандистская брошюра под названием «ВОЛЯ НАРОДОВ». Ну, тут все понятно. Воля — это дядя Воля. А Народов — фамилия, правда, непонятно, чья. Наверно, книжка о нем. Слово «воля» я, возможно, просто не знал.

Я очень любил, когда он приходил к нам в гости. До шестидесятого года Коронкевичи приходили всей семьей, а после шестидесятого, когда они уехали в Новосибирск, чаще он приходил один, когда приезжал в командировки и заходил всегда к нам. Он был самым веселым из всех гостей, бывавших у нас. Тетя Маргарита тоже была веселым человеком (я пишу «была» только потому, что речь идет о далеком прошлом!), но дядя Воля был в этом смысле ярче.

Как-то мы были у Коронкевичей в гостях. Может быть, году в 53–55. Помню, была у них одна комната, большая и, видимо, холодная, стоял электронагреватель. Дядя Воля опять всех детей смешил. (А Сережа показывал мне свои книжки, помнится сказка про Никиту-Кожемяку. И про Верлиоку.)

Дядя Воля был шумный, энергичный. Такой веселый ураган. Знаток всех последних новостей и анекдотов, театральных постановок и спортивных сенсаций. Анекдоты он рассказывал мастерски, даже старые. Все хохотали. На моих глазах своим обаянием покорила незнакомую ему компанию отцовских сослуживцев-офицеров у нас дома на каком-то празднике. Я вообще не помню ни одного конфликта с участием дяди Воли или чтоб он злился на кого-то. И еще — я не помню его жалующимся на жизнь. Хотя вряд ли она была легкой, особенно в первую половину.

Отец мой был довольно суровым человеком, но в присутствии дяди Воли он оттаивал, становился веселее и добрее. Будучи на 10 лет старше дяди Воли, называл его Волька и на ты, дядя Воля называл отца только на Вы. Они тут же садились играть в шахматы, пока мама собирала на стол, и тут — поток всяких разговоров и новостей, а я пристраивался рядом послушать. Что-то понимал, но не все. Они с отцом часто смеялись и подшучивали друг над другом. Около них было хорошо.

Дядя Воля был очень восприимчив ко всему новому, передовому. Он и в науке был, как я понимаю, таким же, хотя я эту сторону его жизни знаю плохо. Наверно, именно эта черта подвигла их с тетей Маргаритой на переезд в Новосибирск. Это, несомненно, был правильный выбор.

Дядя Воля был яркой личностью и увлекался такими же неординарными яркими личностями. И очень интересно, увлекательно о них рассказывал. Я помню, когда в 1960–1961 гг. Таль сражался с Ботвинником за шахматную корону (были матч и матч-реванш), дядя Воля тогда много интересного рассказывал о Тале. Откуда только знал? Он, конечно, болел за Таля. Молодой, напористый гроссмейстер, остро комбинационный стиль игры, личное оба-

яние и остроумие – все это очень импонировало дяде Воле. Отчасти они были похожи, думается. Возвращаясь к шахматам между дядей Волей и отцом, помню, отец играл несколько сильнее дяди Воли, хотя дядя Воля тоже нередко выигрывал. Дяде Воле, по-моему, больше нравился сам процесс игры, острые комбинации, чем результат. И он склонен был к некоторой авантюристике в шахматах. Он наслаждался ими. Наверно, как Таль. Отец же относился к шахматам серьезнее, потому, видимо, и выигрывал чаще.

В 1958 г. бразильская сборная по футболу потрясла мир в Швеции. Дядя Воля рассказывал кучу историй про этих сказочных футболистов. От него я впервые услышал: Гарринча, Пеле, Вава, Диди – эти имена были, как музыка. Помнится про Гарринчу что-то вроде такого: «Он шел на наших защитников и улыбался, глядя на них, и они от этого впадали в ступор». Глаза дяди Воли горели, когда он рассказывал. Он всегда восхищался талантом.

Когда дядя Воля приезжал из Новосибирска, он всегда старался сходить на интересные спектакли здесь, в Ленинграде. Помню, как он восторженно рассказывал про понравившуюся ему комедию «Опаснее врага», которую смотрел в театре комедии у Акимова. И даже пытался, рассказывая, сыграть за некоторых персонажей, у него получалось хорошо.

Он сумел сохранить какое-то детское удивление и восхищение жизнью во всех проявлениях. Замечал красивую одежду, вещи. Сам одевался со вкусом. Помню, ехали в такси. Вдруг он воскликнул: «Вот идет девушка с зелеными волосами!». Он заметил, я нет. Тогда такие прически еще были редкостью. Это мелочь, но такая была у него зоркость ко всему новому.

Дядя Воля очень любил свой Академгородок, гордился им. Рассказывал нам о красоте городка, о новых институтах, интересных людях, о научных достижениях, о хороших квартирах и красивых коттеджах среди деревьев. В 71 г. я увидел это сам. Помню, он еще что-то с восторгом рассказывал о Доме ученых и кафе «Под интегралом». Детали уже совершенно не помню. Но иногда я ему завидовал. Такой там был тогда романтический научный оазис.

Однажды он был в Ленинграде в командировке (в 70-х, кажется – точно не помню) и должен был в какой-то день улететь. Перед этим он был у Горшковых (это семья третьей сестры мамы) и оттуда должен был ехать в Пулково. В тот день у Горшковых был какой-то праздник, и я к ним пришел вечером. К моему удивлению, дядя Воля был там. Он не улетел. Оказалось, во время взлета что-то случилось, и самолет посадили снова в Пулково. Но перед этим они три или четыре часа летали по кругу, сжигая горючее. Каково было пассажирам! Они понимали, что дело плохо, и три часа ждали смерти. Но сели благополучно между шпалерами пожарных и медицинских машин. Пассажиров выгнали из самолета, ничего не объяснив. Рассказывая об этом, дядя Воля был очень возбужден. Он говорил и говорил непрерывно несколько часов, хотя почти не пил. Мы понимали, что ему надо выговориться, сжечь что-то внутри себя. Он выглядел, как будто был под действием наркотика. Несколько лет спустя я тоже чудом избежал смерти, и потом оказался в таком же квазинаркотическом возбуждении. И вспомнил этот случай с дядей Волей.

Несколько слов уже не детских воспоминаний. Однажды мы с ним оказались на одной конференции в Ленинграде. Доклад у него был хороший, поскольку в основе лежала хорошая работа (не помню, по измерениям g или другая), и докладывал он смачно, не без некоторого пижонства. Он показывал слайд-шоу по своим загранпоездкам, народ стонал от зависти (еще советские были времена), и включил туда (как бы нечаянно) фото какого-то легкого пикника с выпивкой на тропическом пляже. «Ой, это не то!» – воскликнул он и мгновенно убрал фото, но народ был в восторге. Это было разыграно, но мило. Когда есть хорошая работа, можно и слегка попижонить. Плохо, когда бывает пижонство вместо хорошей работы. Но это уже не про дядю Волю.

Пожалуй, один лишь раз я не согласился с ним. На той же конференции, где у него было не одно выступление, дядя Воля по какому-то поводу заявил: «Лазер – это русское изобретение!», чем меня весьма удивил. И не только меня. Я бы гордился, если б это было так. Понятно, Басов и Прохоров получили Нобелевскую премию. Но ведь и Таунс! И это за мазерный эффект. А лазер первым построил американец Мейман в 1960 г. И отрицать это несправедливо, да и невозможно. Не знаю, почему дядя Воля так сказал.

Я всегда чту память моего любимого Дяди Воли.

ЭТО ВОЛЬДЕМАР ПЕТРОВИЧ

Владимир Натанович ШАЦЕВ

*Кандидат филологических наук, учитель литературы,
племянник В. П. Коронкевича, Санкт-Петербург*

– Это Вольдемар Петрович?
– Это не Вольдемар Петрович.
– Как не Вольдемар Петрович? – На том конце провода легкое смятение.
– Не Вольдемар Петрович, а я, его племянник Вова. Из Ленинграда. А Вольдемара Петровича я сейчас позову, – говорил я, ликуя. В пятнадцать лет менялся голос. Я изменялся. И в то лето 1970 года в Академгородке было все новым: лодки, остров, велосипеды, сигареты, книги, дела, деньги, де... (девушек не было).

Вообще-то я племянник Маргариты Абрамовны. Но мне было приятно говорить и в Москве каким-то гражданам, с которыми я пил кофе в аэропорту, и в Питере разным людям – например, драматургу Александру Володину, или вот, например, в Верхней Сванетии начальнику альплагеря «Зезхо»: «Да, я племянник Коронкевича. Да, он мой дядя».

* * *

Первый раз я увидел дядю Волю году в 58-м. (Коронкевичи, еще не переехавшие в Новосибирск, жили в высокой узкой комнате в коммуналке на углу Лермонтовского и Фонтанки, в квартире, до войны «принадлежавшей» моему деду.) Был мой день рождения. Я ждал подарков. Звонок. Дверь открывается: Дядя Воля в чем-то пижонском – белый плащ, длинный шарф – шагает через порог и вручает мне надувного тигренка.

* * *

Прилетая серебряными самолетами из Сибири и прикатывая стремительными Красными Стрелами из Москвы в Ленинград, дядя Воля обычно останавливался у нас, у моих родителей, на Таврической, при этом всегда заходил в гости к Корогодским. Вот он рассказывал, что восьмилетний Данилка взял у папы с письменного стола декоративный нож для разрезания бумаги и в школе пырнул этим ножом хорошую (а может, кстати, и плохую – точно пока все еще неизвестно) девочку Наташу. Эту историю я при встрече злорадно пересказал Данилке. Он закипел:

– Да дядя Воля все врет. Он все врет. Он как приедет к нам, так и начинает врать. Так и папа говорит: «Волька все время врет».

Этот отзыв я уже летом в Академгородке (помню, мы несли из сада смородину), взял да и передал Вольдемару Петровичу. Дословно. Он долго молчал. Мы поднимались в горку, он молчал; я понял, что это все говорить не надо было.

Что было на самом деле? Данилка, как рассказывала десятилетия спустя эта самая Наташа, и впрямь пырнул ее ножом в бок. Так что дядя Воля НЕ «врал». Даже не фантазировал. В устных своих историях он был только реалистом.

Еще каких-то историй, им рассказанных, в данный вот миг вспомнить не могу, кроме одной, про Вольфа Мессинга. Рассказывал он как-то вкрадчиво, когда надо, держал паузу. Их было много, этих устных повестей, рассказываемых в пространстве миниатюрной кухни в квартире 323 дома 2 по Таврической улице.

* * *

На поминках сотрудники из его лаборатории вспоминали, что он любил Бродского и Рейна. Помню, как в начале 60-х он читал Горбовского и Евтушенко. Вот, помню, читает стихи. Вслух на кухне у настенной лампы. Гордый латинский профиль. Книга, поднесенная к полуопущенным векам.

По ночам хрустят суставы
у больной,
холодной дачи.
И мне слышится:
усталый,
запоздалый всадник скачет.

Или:

Как во столярной Москве белокаменной
Вор по улице бежит с булкой маковой.

По Кремлю, по белокаменному центру мы с В. П., с Митей, с Сережей и с моим другом Сашей Эйдусом гуляли где-то в семидесятых. Обедали в пивном ресторане. О чем говорили, не помню, кроме одного. Я рассказывал про своего ученика Толика Севрюгина, сжигаемого жаждой творчества, а Митя про однокурсника – тоже Толика Севрюгина, почитателя Бахуса, любителя буйств и злата. Много смеялись. Дядя Воля был, как всегда, элегантно одет.

* * *

Я всегда понимал, что Коронкевичи молодые. Тетя Марга и дядя Воля почему-то ассоциируются с водой, песком, волейболом на пляже... Крошечные я и Митя (соответственно, восемь и семь лет) выбегаем из воды и, дрожа и стуча зубами, падаем, гремя косточками, на разогретые солнцем и, как нам казалось, широкие спины тети Марги и дядя Воли.

Дядя Воля и тетя Марга делали спортивной свою жизнь (походы, палатки, лодки). Какие-то молодые друзья. Это были шестидесятники: дядя Леня (Анкудинов), дядя Феликс (Матвеевков), дядя Андрей (Дерибас). Шумные смеющиеся люди (водные лыжи, катера, яхты). Семилетний Митя и восьмилетний я залезали на этих людей на пляже, чтобы нырять с их плеч. Наверное, у всех, не только у Коронкевичей, дома тогда висел на стене портрет Хемингуэя и было довольно много всяких собраний сочинений. Еще эти люди пошучивали над властью. Слегка.

* * *

Я работал в литературной части ТЮЗа. Конфликтовал с главным режиссером, З. Коргодским. В. П. говорил: «Тебе надо набрать жир», то есть набраться опыта, завести собственные связи. Дяде Воле не нравилась моя проза: «О чем ты пишешь? Что это за люди? Чем они занимаются? Тебе нужен опыт. Давай я тебя на земснаряд устрою».

* * *

Летом 70-го года дядя Воля поехал во Францию. Рассказов было уйма. Но ни одного не помню. Привез мне и Мите водолазки и значки с какой-то оптической выставки или конференции. Красный и сиреневый – большие круглые значки. Вот в этой водолазке и со значком я уже в Питере щеголял.

* * *

«Дорогой Жорес Иванович, чтобы подать пример нашим молодым сотрудникам, я написал докторскую диссертацию». Так начиналось незапечатанное письмо, которое Вольдемар Петрович году в 2003-м, наверное, просил меня передать Алферову. Директор алферовской школы мой друг Миша Иванов (по имени и фамилии полный тезка и физический двойник истинного (я-то самозванец) племянника В.П. – Миши Иванова, новосибирского врача) сказал: «Не через секретаря – 200 % не передаст, а подойди к нему сам после лекции».

Я вручил Жоресу это письмо и автореферат: «Вот Вольдемар Петрович Коронкевич просил передать...». Алферов заулыбался и стал медленно читать письмо. «Да, конечно, же... Ну как же... Вольдемар Петрович Коронкевич – Институт автоматики и электрометрии». Такое впечатление, что Институт автоматики и Коронкевич – для него синонимы.

* * *

Недавно я защитил диссертацию. Все прошло нормально. Я был в галстук Вольдемара Петровича. Американский шелковый галстук ручной работы – Bert Pulitzer. Это амулет. Для особых случаев.

* * *

– Воля все время дружит с начальством и знакомится со знаменитостями, – говорил мой отец. Мне кажется, это не совсем так. «Начальство» и «знаменитости» сами стремились дружить с этим элегантным человеком, тактичным, тонким и открытым. Европейцем. Который в своих прошлых существованиях был, наверное, тихо ступающим дипломатом; вкрадчивым кардиналом; просвещенным шляхтичем, построившим обсерваторию в усадьбе; драматическим актером психологической школы, может, даже Сулержицким (сравни фотографии)... Что-то такое. Людей притягивала мудрая содержательность и ясная приветливость нашего Вольдемара Петровича и клубящаяся за ним мерцающая звездная вечность.